

УДК 910.4

ТАЙНА ПРОЛИВА НЕЙМАЙЕРА

THE MYSTERY OF THE NEUMAYERS STRAIT

©Зобнин Андрей Николаевич, историк-краевед. Область исследований: история Русского Севера, история освоения Арктики. Член Русского географического общества. E-mail: zobninandr@mail.ru

© Zobnin Andrei Nikolaevich, historian and ethnographer. Area of the Research: History of the Russian North, the history of the Arctic exploration. Member of the Russian Geographical Society. E-mail: zobninandr@mail.ru

Аннотация. В статье сделан анализ всех имеющихся на сегодняшний день сведений о последних днях Г.Я. Седова, его кончины и захоронения. Указаны направления для дальнейших поисков могилы начальника первой русской полярной экспедиции

Ключевые слова: экспедиция, Седов, святой Фока, матросы, Линник, Пустошный, ЗФИ, Рудольфа, нарты, лед, арктический, Новая Земля, пролив, мыс, Аук, маршрут, путь, стоянка, остров, геология, гидрология

Abstract. In the article made an analysis of all the currently available information about the last days of G. Y. Sedov, his death and burial. On the basis of these materials are given the direction of the further search for the tomb of the first initial Russian polar expedition.

Keywords: The expedition, Sedov, Holy Fock, sailors, Linnik, Pustoshny, Franz Josef Land, Rudolph, sleds, ice, Arctic, A New Earth, Strait, Cape, Auk, route, path, one-Janka, island, geology, hydrology

Почти сто лет отделяет нас от тех трагических февральских дней 1914 г., когда во льдах северных островов Земли Франца Иосифа умирал старший лейтенант русского императорского флота Георгий Яковлевич Седов. Став символом твердости духа, самоотверженности и в то же время примером наивности и в какой-то степени самонадеянности, Г. Седов навсегда останется одной из центральных фигур в истории освоения Арктики. Беспрецедентным стремлением к цели, своей трагической смертью Седов поднял на небывалую высоту интерес к высоким широтам, исполнив, тем самым, свое главное предназначение.

Множество публикаций, особенно последнего времени, обвиняющих Г.Я. Седова в крайне плохой организации экспедиции, навеяны в большей степени временем, пересмотром почти всех восторженных эпитетов ушедшей эпохи. Нельзя забывать, что при всех известных недостатках, которых не могло не быть в условиях крайней ограниченности в средствах и времени, из трех экспедиций, вышедших в Арктику летом 1912 г., вернулась только экспедиция Г. Седова. Более популярный ныне В. Русанов, обвинявший начальника полярной экспедиции в неподготовленности проекта, сам вскоре пошел на совершенно неоправданный риск, заведомо обрекая доверившихся ему людей на тяжелейшие испытания и трагическую гибель всей экспедиции, тогда как Г. Седов принес в жертву своих устремлений только себя. Что же касается механика судна И. Зандера, умершего от цинги на острове Гукера, то мало какой экспедиции удалось избежать смертельных случаев после двух арктических зимовок.

Еще в 1915 г. Л. Брейтфус писал: «...признавая за нашими исследователями отвагу, редкую настойчивость и фанатичную энергию, с какими они, несмотря на все препятствия, шли к цели, будем желать и надеяться, чтобы тот взрыв интереса к северу в широких кругах

общества, какой вызвала особенно экспедиция Седова, не пропал бесследно и чтобы в будущем широкое и планомерное изучение арктической области было поддержано общественным сочувствием» [1].

Мало кто из первопроходцев удостоился такой известности и славы, как Г. Я. Седов. И, казалось бы, за последние 100 лет сказано все, что могло быть связано с первой русской полярной экспедицией. Но обстоятельства кончины и погребения ее начальника до сих пор вызывают массу споров, догадок и предположений. Причиной тому стал многолетний, но, к сожалению, безуспешный поиск могилы Седова.

Летом 1937 г. на береговом склоне возле мыса Аук зимовщиками группы Я. Либина были найдены предметы, которые, судя по показаниям матросов Линника и Пустошного, должны были находиться в захоронении: флажок полярного флага с медной втулкой, на которой сохранилась гравировка «Expedition leit. Sedov'a 1912—1914 г.», ржавый топорик, обрывки русского национального флага, фрагменты меховой одежды, куски веревки и парусиновой ткани. Нарты, останки под каменной насыпью и сама каменная насыпь бесследно исчезли.

Начиная с высокоширотной экспедиции О. Шмидта на ледокольном пароходе «Георгий Седов» летом 1929 г. и до поисковых работ экипажа яхты «Апостол Андрей» клуба «Приключение» в 2011 г., поиском следов захоронения занимались многие поколения исследователей Арктики. Но безуспешно. Вопрос, поставленный еще в 1914 г. экипажем «Святого Фокки», «Где находится могила Г. Седова?», вот уже 100 лет остается без ответа.

Причин тому не так уж много. Логичным было бы отметить две: каменная насыпь с останками была уничтожена или ее там никогда не было. Эти выводы и стали основными направлениями настоящего расследования, цель которого не вынести окончательное решение, а на основании фактов и документов рассмотреть все возможные версии, которые могли бы максимально приблизить к пониманию того, что на самом деле произошло на льду пролива Неймайера в феврале 1914 г.

В первую очередь необходимо проследить путь экспедиции от о. Джексона и до выхода матросов к Ледяному мысу, потому как именно эти дни надо считать трагическим финалом всей полярной экспедиции. Сведения дневников Г. Седова, Г. Линника и А. Пустошного позволяют сделать параллельную прокладку пути на современной карте и карте Г. Седова. Такое сравнение даст возможность увидеть особенности маршрута экспедиции, мало представленные в предыдущих исследованиях.

Небольшой проблемой здесь стал поиск карты, которая могла быть у Г. Седова во время полюсной экспедиции. Пересмотрев несколько вариантов, в том числе рисунок Нансена, который помог штурману «Святой Анны» В. Альбанову выйти к мысу Флора, естественным было остановиться на более полной из них — карте экспедиции герцога Абрुццкого (Principe Luigi Amedeo di Savoia, Duca degli Abruzzi) [2] на барке «Стелла Поларе» (1899—1900) (рис. 1). При первом же сравнении ее с дневниковыми записями Г. Седова отпали всякие сомнения, что он пользовался подобной картой, только в английском варианте. Составленная по материалам экспедиций Пайера (1872—1874), Ли Смита (1880—1881), Джексона (1894—1897), Нансена (1895—1896), к 1912 г. это была наиболее достоверная карта ЗФИ. Как будет видно дальше, ориентиры ее в точности совпали с указанным маршрутом экспедиции.

В понедельник 10 февраля полюсная экспедиция Г. Седова вышла к мысу Климентса острова Джексона. С этого места и начинается путаница с проливами и островами. Читая имеющуюся карту, Седов не сомневался, что на другой стороне залива Де Лонга видна Земля Карла Александра. На самом деле это была северо-восточная часть острова Джексона (рис. 1, 2).

Вечером следующего дня, приняв мыс Хелланд за мыс Бреггера, он записал в дневнике: «...В 4 ч. встали на ночевку, пройдя около 15 верст, у Земли Александра. Сегодня была такая заря, что в ней казалось почти солнце. Виден уже Теплиц-бай. Я лучше чувствую себя, ибо был тепло одет и все время сидел на нарте спокойно» [3]. На самом деле он видел не бухту Теплиц острова Рудольфа, а западный берег острова Александра, по очертаниям береговой линии действительно похожий на Теплиц-бай.

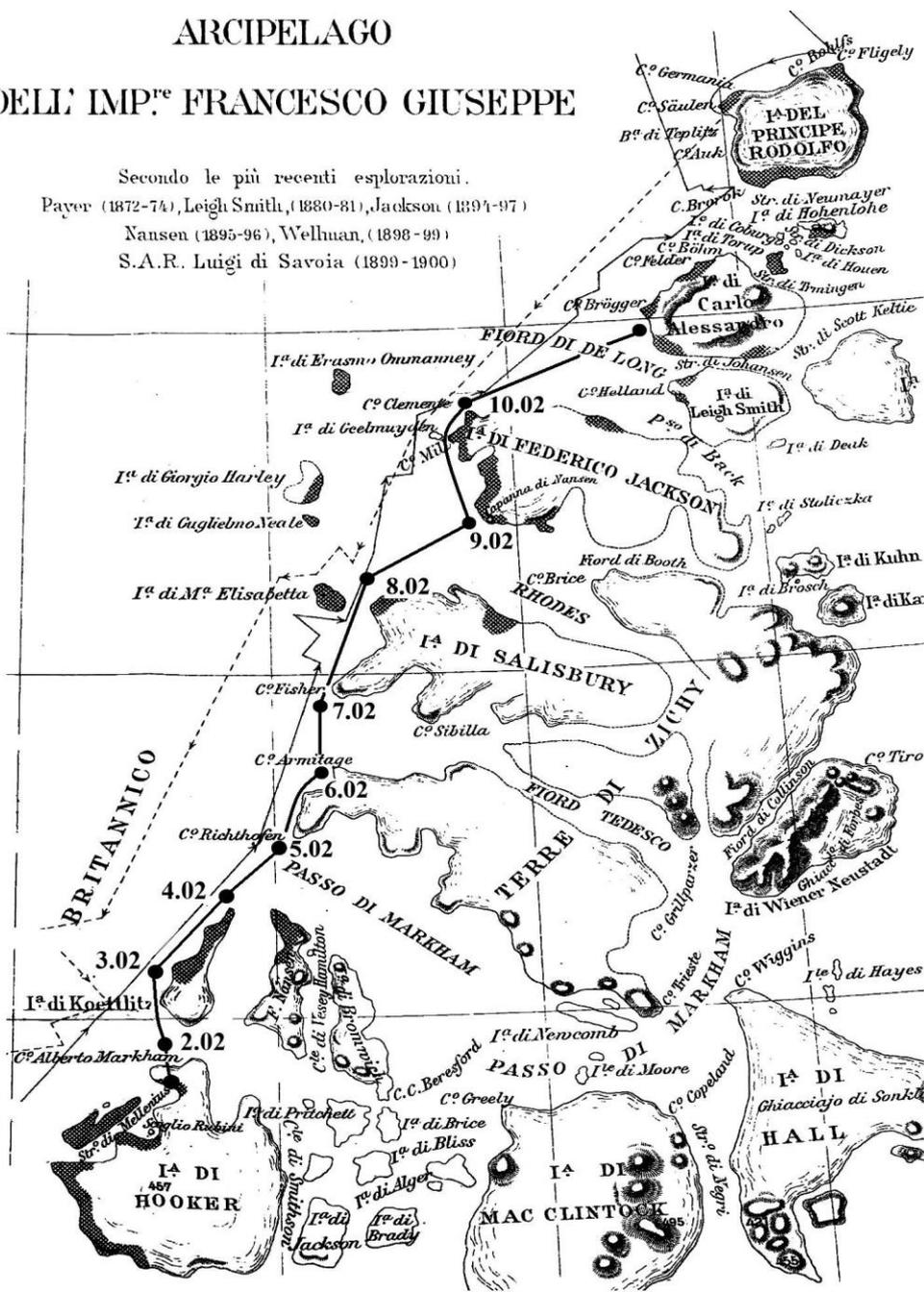
На следующий день, 12 февраля группа пересекла пролив Бака и только теперь вышла к острову Карла-Александра. Карта Седова показывала иное. «...Прошли около 15 верст, — писал Георгий Яковлевич, — и остановились в 4 ч. ночевать уже у Земли Рудольфа. Сегодня был минимум -42° . Сейчас дует балла на 4 Ost. Палатку изрядно треплет, мы же, как цыгане, сидим вокруг примуса» [3].

13 февраля в 9 часов утра экспедиция двинулась к западному побережью острова Александра и через пять верст вышла к маленьким островкам у мыса Бреггера (острова Понтремоли). В уверенности, что они находятся на юго-западном берегу острова Рудольфа, «весь день, — запишет Пустошный, — искали Теплиц-бай». Седов также был в недоумении: «...Забрели в какой-то пролив, между островками, но только не в Теплиц-бай, хотя он уже чувствуется близко. После 2-х разъяснено, сделался чудный, теплый день, но дорога тяжелая: снег и ропаки, тащимся дальше по курсу. В океане, видно, воды много, ибо видать чер-

ное небо. Встретили зайца у лунки, не подпустил на выстрел, сполз. В 5 ч. остановились ночевать, кажется, у Земли Рудольфа, трудно с уверенностью судить, так как в этом месте карта страшно не верна. Посмотрим, что покажет завтрашний день...» [3].

ARCIPELAGO DELL' IMP.^{re} FRANCESCO GIUSEPPE

Secondo le più recenti esplorazioni.
Payer (1872-74), Leigh Smith, (1880-81), Jackson (1891-97)
Nansen (1895-96), Wellman, (1898-99)
S.A.R. Luigi di Savoia (1899-1900)

●— Маршрут Г. Седова (февраль 1914 г.),

Рис. 1. Карта экспедиции герцога А. Абрюццкого

Утром следующего дня Пустошный забрался на один из островков и на северо-востоке увидел землю. Без сомнения, это был остров Рудольфа. Из всех трех дневников видно, что к северу и западу была открытая вода, но это никак не мешало двигаться на северо-восток.

В 9 часов утра группа двинулась, как писал Пустошный, «от берега в море по направлению к земле, куда лежал наш путь». Т. е. надо понимать прямо в пролив Трининген к острову Рудольфа. Это же подтверждает и запись Седова: «Суббота, 15 февраля. В 10 ч. утра ясно, морозу 30 градусов. Пошли через проливы к Земле Рудольфа, которая ясно была видна, пройдя около 12 верст, наткнулись на сплошной, тонкий (1 вер.) солончак»[3]. По поводу пройденного расстояния в дневниках есть существенные расхождения, которые сложно объяснить простой опиской. Пустошный отмечает «11/2 версты», тогда как Линник вполне определенно указывает, что, «пройдя не более одной версты, увидели со всех впереди сторон совсем свежий лед». Наверно, логичным было бы довериться двум, почти одинаковым показаниям Седова и Пустошного и определить, что 15 февраля лагерь был разбит на льду пролива Трининген приблизительно в 7 милях к северу от мыса Бэма (рис.3).

Воскресенье 16 февраля, Масленица. Пустошный записал в дневнике: «Сегодня вдали от родины под 82° северной широты на 4-х дюймовом солончаке мы празднуем масленицу и вспоминаем каждый, как гуляют наши товарищи, а мы сидим у моря и ждем хорошего мороза, чтоб скрепил солончак, чтобы нам двинуться на север»[4]. Больной Седов, глядя на трапезу матросов, помимо всего прочего, записал: «...Конечно, съел бы яичко, сметанки, жареного цыпленка, даже чашку кислой капусты. Но где все это?...» Как подарок к празднику вышло солнце. «Увидели выше гор впервые милое, родное солнце, — радовался Георгий Яковлевич. — Ах, как оно красиво и хорошо! При виде его в нас весь мир перевернулся. Привет тебе, чудеснейшее чудо природы! Посвети нашим близким на родине, как мы ютимся в палатке, как больные, удрученные, под 82 ° северной широты»[3].

После праздничного обеда матросы ушли осматривать дорогу. Пройдя на восток около семи верст, они поняли, что «прямо идти невозможно, а нужно идти на восток, а там переправляться к нашей земле». Из опасения, что штормовой ветер разломает тонкий лед, на котором стоял лагерь, было решено продолжить путь к острову Рудольфа, взяв к Ost.

17 февраля, к вечеру, путешественники были у южной оконечности острова, неподалеку от берегового припая. Сильная буря на три дня остановила продвижение. Самочувствие начальника экспедиции быстро ухудшалось, и он уже не мог писать. Последние строчки в

дневнике: «Понедельник, 17 февраля». Через три дня, 20 февраля 1914 г., в 2 часа 40 минут дня Г. Я. Седов скончался.

Руководство дальнейшими действиями взял на себя матрос Г. Линник. «В Теплиц-бае или где-либо на острове, — писал он, — оставим половину всего груза, и если не найдем керосина, то придется хоронить и своего начальника. Завтра думаю идти дальше. И если это окажется место зимовки Абруццкого, то будет сносно, а если же нет, то с телом начальника придется расстаться». К тому же у Пустошного появились признаки цинги. Здесь нужно отметить, что уверенности в том, что они находятся на острове Рудольфа и бухта Теплиц-бай совсем рядом, у них было мало. Недавняя путаница с островами и проливами значительно подорвала их доверие к карте.

Через два дня после смерти начальника, 22 февраля, матросы направились вдоль западного побережья острова. «К трем часам дня, — писал Линник, — еле дотащились до Ледяного мыса и саженьях в 300 или 400 от берега стали лагерем, так как, во-первых, старый лед кончается и начинается совершенно свежий солончак, а во-вторых, ничего не везут собаки»[5].

Единственным мысом на их пути, который можно назвать Ледяным, был, без сомнения, язык ледника перед мысом Аук (рис. 3). Для более полного подтверждения того, что матросы вышли именно к мысу Аук, необходимо обратить внимание на все детали, указанные в дневниках, и рассмотреть некоторые варианты развития событий, начиная с 15 февраля. В этот день Пустошный впервые увидел остров Рудольфа (землю на северо-востоке), естественным было бы в этом случае матросу находиться на юго-западе, то есть у мыса Фельдера. С этого места ничего, кроме острова Рудольф, не видно. И на следующий день уже с траверса мыса Бэма принять какой-либо другой остров, к примеру, Гогенлоэ, за остров Рудольфа, тем более за единое целое, совершенно невозможно. Пролив Неймайера здесь хорошо просматривается. Вероятность такой ошибки могла быть, если смотреть на указанные острова с юго-восточной части Земли Александра. Но сомнений в том, что Седов обходил этот остров с запада, нет никаких.

Кроме того, дальнейший их путь точно указан в записях Линника. 17 февраля, помимо всего прочего, он отметил, что «к счастью, дорога очень хорошая, и мы быстро продвигались вперед. Но, не дойдя до острова кронпринца Рудольфа версты три, я, как шедший впереди, стал сворачивать со свежего льда на старый, направляясь к острову, и на самом стыке свежего льда со старым ...» [5]. Здесь видно, что еще 17 февраля экспедиция была в трех верстах от острова Рудольфа на стыке свежего льда пролива Неймайера и берегового припая острова.

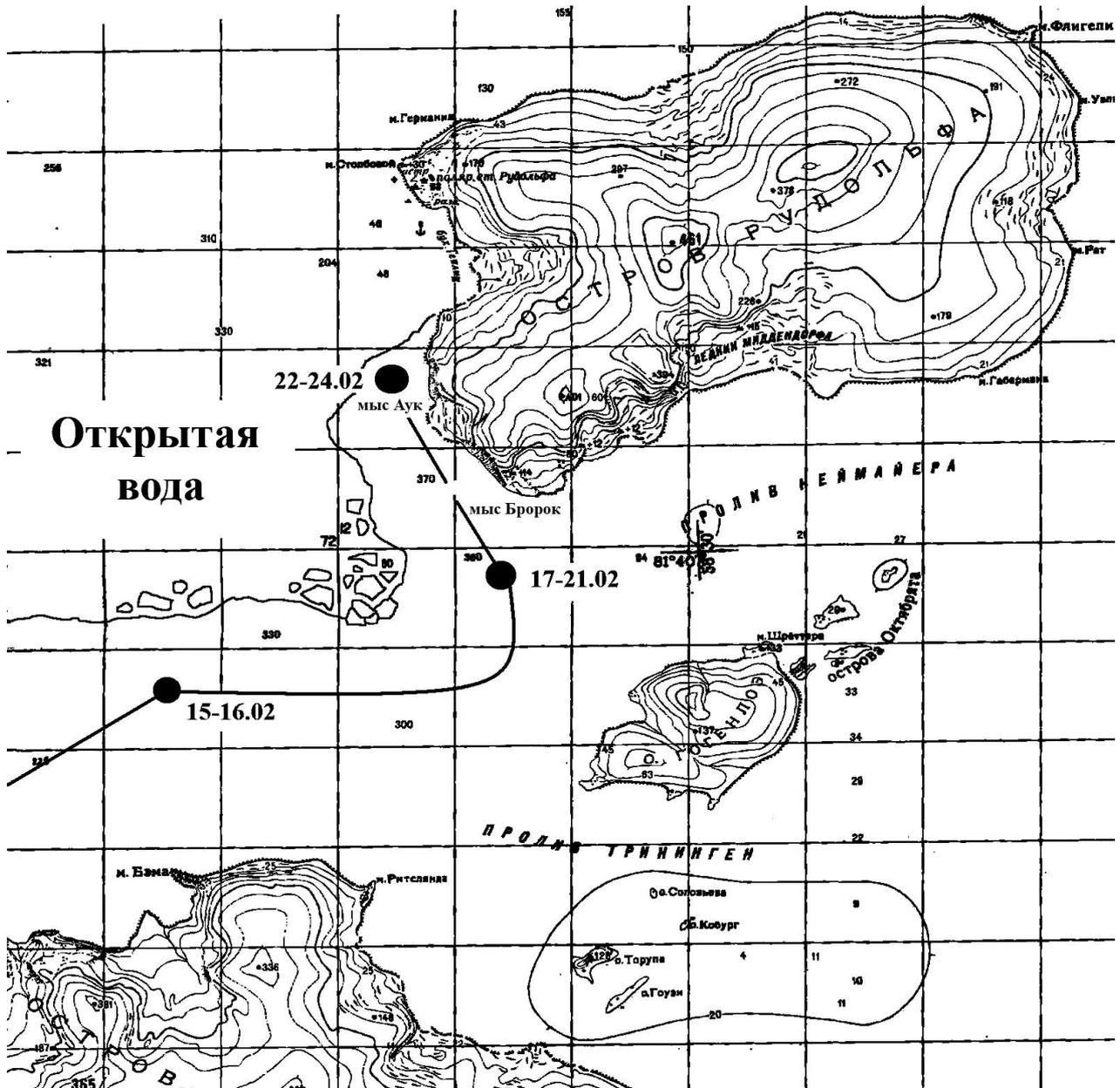

Рис. 3. Остров Рудольфа

Если предположить, что в этот день, обходя солончак (тонкий свежий лед), они вынужденно отклонилась на восток к острову Гогенлоэ, то это, несомненно, нашло бы свое отражение в дневниках. Мы же знаем, что остров там ни разу не упоминается, хотя он достаточно точно обозначен на картах экспедиций Фиала-Циглера, Аbruццкого и, соответственно, Седова. Поэтому сомнений в том, что 17 февраля лагерь был развернут на траверзе мыса Бророк, не много. А если это так, то шестичасовой переход с телом начальника экспедиции 22 февраля мог быть только вдоль западного побережья острова Рудольфа, то есть к мысу Аук (рис.3). Пустошный точно указывает: «Двигались мы медленно и, пройдя верст 7 от места стоянки, мы снова разбили палатку на старом глетчерном льду в 300 саженях от высокого

берега, на котором видно много камней. Когда мы разбили палатку, то ходили далее на север, смотреть дорогу и место, тот мыс, до которого мы шли и, по-нашему, он же и Теплицбай».

Рис. 4. Мыс Аук

С мыса Бророк матросы никак не могли увидеть бухту Теплиц. Впервые это отметил Герой Советского Союза, академик Е. К. Фёдоров. В своих «Полярных дневниках» он вспоминал: «Согласно описанию матросов, считалось, что могила Седова находится у подножия мыса Бророк. Я тщательно осматривал каждый квадратный метр берега, но могилы не обнаружил. Я не знал тогда, что она была в нескольких километрах севернее — под обрывом мыса Аук. Летом 1937 г. полярники станции на острове Рудольфа нашли там древко с обрывком русского флага и несколько вещей, несомненно, принадлежащих Г.Я. Седову. Линник и Пустошный немного ошиблись в описании места. Это можно было понять. Можно было и мне сообразить, что только от мыса Аук, но не от Бророка, открывается вид на бухту Теплиц, только здесь Линник и Пустошный могли увидеть, что ледяного покрова в бухте нет» [6].

На самом же деле матросы не ошибались и в своих дневниках достаточно точно описали свой путь к конечной точке путешествия и, что еще более удивительно, дали подробное описание места, где был похоронен начальник экспедиции. С их слов художник экспедиции Н. Пинегин сделал рисунок (рис. 4).

Летом 2011 г. экипаж яхты «Апостол Андрей» клуба «Приключение» во главе с капитаном Н.Н. Литау подходила к западным берегам острова Рудольфа с целью сравнить рисунок Н. Пинегина с реальным видом на мыс Аук. «Яхта отошла к кромке редких льдов, — писал в своем дневнике капитан, — и из точки, с которой открылся весь берег от мыса Аук до Столбового, стало очевидно, насколько эта картина похожа на архивный рисунок. Они, конечно, не совпадали абсолютно. Так, седло на мысе Аук не такое глубокое, как на картинке, а мыс Столбовой имел две вершины, но плоские, а не остроконечные, как изобразил худож-

ник. Это, пожалуй, было главным отличием. В остальном все было на месте: справа — седловатый мыс Аук, слева — двуглавый Столбовой, между ними спускался к воде глетчер» [7].

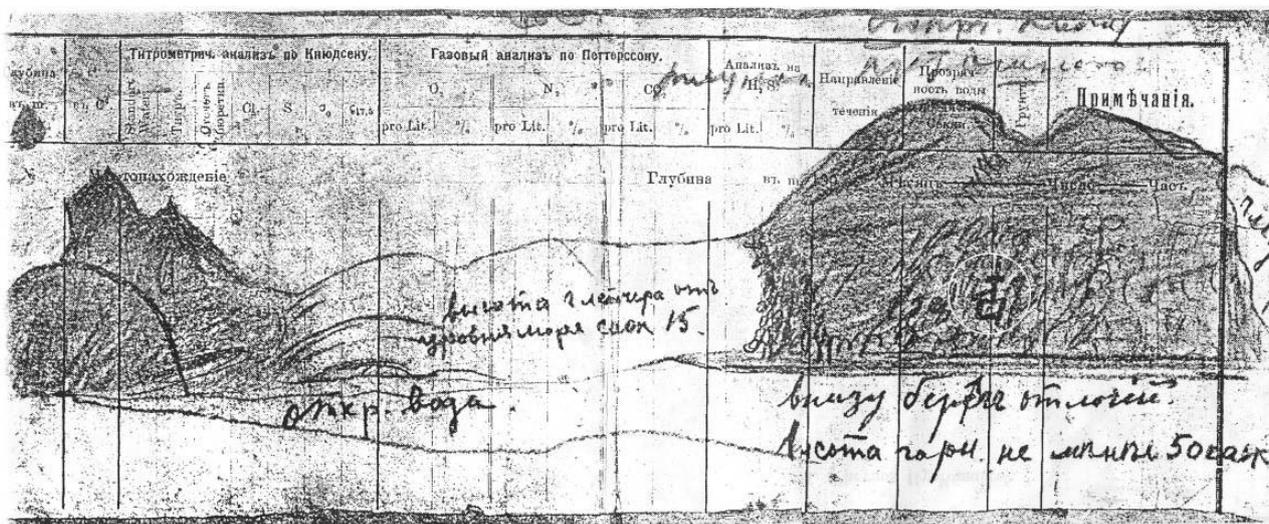

Рис. 5. Рисунок Н. Пинегина. Место захоронения Г. Седова

Таким образом, надо считать доказанным, что местом последней стоянки матросов Линника и Пустошного был мыс Аук. На этом основании, если верить матросам, естественным было бы полагать, что и могила Г. Седова находится под обрывом этого мыса, «на косогоре высотой до шести сажен от уровня моря», как указано на рисунке Пинегина. Но ее там нет, если не считать нескольких предметов, в том числе флагштока с медной втулкой, на которой сохранилась гравировка «Expedition leit. Sedov'a 1912—1914 гг.». Принадлежность ее не вызывает сомнений.

* * *

Наиболее распространенным предположением в среде историков о причинах исчезновения могилы Седова стал ледник, который мог унести в море каменный холм с его останками, оставив на поверхности часть предметов. Эта версия более всего могла бы прояснить ситуацию, если бы не возражения специалистов другого профиля — гляциологов. Остров Рудольфа на 98 % покрыт ледником. В центральной части ледникового купола поверхность сравнительно плоская, но к периферии она приобретает все больший уклон и переходит в истоки долинных ледников, которые обрываются в море, образуя айсберги. Интересующая нас западная часть острова Рудольфа, по мнению специалистов, имеет более сложный расчлененный рельеф, чем восточная, и представляет собой «вытянутые депрессии в коренном рельефе острова, которые в большинстве случаев являются продолжением морских заливов». Это и есть так называемые выводные ледники, за счет которых растущая масса льда

отводится в море. Выводные ледники, расположенные с обеих сторон мыса Аук острова Рудольфа, короткие, но с широким фронтом на выходе. Гляциологи утверждают, что вероятность сползания ледника с вершины мыса Аук настолько мала, что рассматривать ее вряд ли есть необходимость. Это могло бы иметь место только в случае увеличения центральной части ледового купола почти вдвое, а это уже глобальное оледенение.

Также следует отметить, что сход снежной лавины, нежели сползание ледника, таких разрушений принести не мог по причине малой высоты мыса. Это подтверждают и памятные знаки, установленные в разное время на мысе Бророк и мысе Аук. Знаки простояли там гораздо дольше предполагаемого захоронения Седова, но не исчезли бесследно. Данный аргумент более других опровергает версии природной причины разрушения.

Кроме того, можно было бы обратить внимание на возможность уничтожения могилы белым медведем. Есть масса свидетельств, когда эти животные с легкостью ворочали крупные камни. Данная версия проста и имеет наибольшее число сторонников. Можно было бы принять ее за основу и поставить точку, если бы не обстоятельства, которые заставляют максимально осторожно подойти к анализу материалов этого непростого дела.

* * *

Сразу же по прибытии «Св. Муч. Фоки» («Михаила Суворина») в Архангельск, Комитет по снаряжению экспедиции к Северному Полюсу и по исследованию русских полярных стран тут же подал ходатайство о проведении расследования причин смерти старшего лейтенанта Г. Седова «для того только, чтобы снять всякую с себя ответственность и возможные нарекания».

Секретарь комитета капитан 2-го ранга П.И. Белавенец в своих показаниях Петроградской прокуратуре 5 декабря 1914 г. писал: «У меня лично, а равно и у других членов Комитета, по прочтении первых известий о кончине старшего лейтенанта Георгия Яковлевича Седова, явилось подозрение в естественности его смерти. По прибытии в Петроград участников экспедиции Седова это подозрение не рассеялось, а после разговоров с прибывшим в Петроград ветеринарным врачом Кушаковым, участником той же экспедиции, подозрение это еще более окрепло. Кушаков, будучи ближайшим сотрудником Седова и единственным, по моему мнению, «солидным человеком» из всех служивших на судне, в беседе со мной сообщил мне целый ряд ненормальных явлений в жизни экипажа судна: особенно обратила внимание Кушакова повышенная требовательность со стороны матросов Линника и Пустошного, которые несколько раз была Седовым удовлетворена, по-видимому, в виду лишь крайней необходимости в участии названных матросов в переходах к Северному Полюсу.

Достигнуть полюса было мечтой Седова, и он во что бы то ни стало решил осуществить ее, несмотря на безусловно установленное болезненное состояние свое перед уходом. Зная эту «idée fixe» Седова, матросы, которые должны были его сопровождать к полюсу, эксплуатировали Седова, когда же он отказывал им в удовлетворении их чрезмерных требований, угрожали с ним «расправиться» дорогой к Полюсу» [8].

Здесь же П. Белавенец указывал, что документы экспедиции, в том числе дневники Седова, книга приказов и бортовой журнал, находятся у него, но свидетельств отношения начальника экспедиции к матросами, то есть приказов о наказании Линника и Пустошного, не обнаружено. Последний дневник Седова (февраль 1914 г.) был выслан прокурору Архангельского окружного суда, все остальные дневники переданы вдове Седова, Вере Валериановне, проживавшей в то время в Петрограде. «Тех дневников я не читал и содержания их не знаю, — писал П. Белавенец. — Последний же дневник покойного я просматривал, в нем были указания на болезненное состояние его здоровья и выражались даже опасения, что он не дойдет к Полюсу. Меня поразила твердость почерка покойного в записях его даже за последние дни жизни. Удивляет меня так же, почему Линник и Пустошный не доставили труп покойного к месту стоянки судна, так как это сняло бы с них всякие подозрения» [8].

Таким образом, Комитет по снаряжению экспедиции к Северному Полюсу и по исследованию русских полярных стран», руководствуясь показаниями П. Кушакова и своими собственными соображениями, был склонен предполагать, что преступление могло иметь место.

Конечно же, подозрения в естественности смерти Седова возникли в большей степени со слов Кушакова, который не раз выражал свое неудовольствие поведением матросов.

Вот один из его рапортов, поданных начальнику экспедиции незадолго до выхода полярной группы: «Сего числа во время дежурства я услышал сильный шум и крик в командной столовой. Подходя к последней, я услышал голос матроса Линника, ругавшегося бранными и непристойными словами, кричавшего: „Я иду к полюсу, рискую жизнью, а потому не буду есть всякой дряни“. ...Несмотря на вторичное приказание замолчать, матрос Линник в присутствии всей команды, все больше и больше повышая голос, начал наносить мне оскорбления словами, упрекая в том, что я являюсь злом экспедиции, мешаюсь не в свое дело, обманываю всех и т. д....Находя настоящий поступок матроса Линника, а также и ряд других его поступков, с тенденцией возмутить всю команду, постоянные порицания и сквернословие по адресу всех начальствующих лиц экспедиции, не исключая и Вас, а также полное нежелание подчиняться не только основным требованиям закона, но и требованиям Ваших

приказов, — в высшей степени недисциплинарными, губящими дело экспедиции, связанное с достоинством всей страны, честью русского имени и русского флага, — прошу Вас о передаче матроса Линника суду. Дежурный вахтенный начальник П. Кушаков».

* * *

12 сентября 1914 г. товарищ прокурора Архангельского окружного суда Таратин допрашивал матросов Линника и Пустошного. Показания их мало чем отличались от дневниковых записей.

Из протокола допроса Г. В. Линника, 26 лет, мещанина г. Градишска, Полтавской губернии, православного, грамотного: «...20 февраля днем Седов сам попросил есть и я сварил ему бульон, но Седов не успел его съесть, так как с Седовым случился припадок — стал жаловаться, что разрывается грудь, что не может согреться, несмотря на все принимаемые нами меры, впал в забытие, шла изо рта пена. Мне показалось, что Седову стало легче, так как он затих. Я в продолжении всего этого припадка находился около него, поддерживая ему голову, что Седов требовал. Последние слова Седова были: «Боже мой, Линник, поддержи». Седов затих, и когда спустя минут 15 держа его голову, я заглянул ему в лицо, отодвинув опустившуюся на глаза меховую шапку, то обнаружил, что Седов мертв. Это было в 2 часа 40 минут дня 20 февраля сего года. С большим трудом добрались до близ расположенной земли и с Пустошным похоронили Седова, сделав крест из двух сколоченных лыж. Могилы мы не могли вырыть, а обложили замерзший труп камнями, положив с правой стороны трупа флаг. Место нахождения могилы на юго-западной стороне острова кронпринца Рудольфа верст 12 от зимовки герцога Абрुццкого, саженьях в 5 от уровня океана на берегу под скалою. С трупа мы сняли только карманный хронометр, вся же одежда, которая была на нем, не тронута».

Показания А. М. Пустошного, «23 года, крестьянина деревни Пустоши, Пустошинско-Амосовской волости, Архангельского уезда Архангельской губернии, православного, грамотного», так же не привнесли ничего нового. «Похоронили мы его на южной оконечности острова кронпринца Рудольфа, — вспоминал он последний день у острова Рудольфа, — верстах в 12—15 от зимовки герцога Абруццкого на берегу на откосе саженьях в 20 от воды и на 5 сажень от уровня океана, причем в могилу положили флаг с надписью на древке на английском языке: «экспедиция Седова, 1912 г.»[9].

Понятно, что за отсутствием улики прокурору Архангельского окружного суда ничего не оставалось, как закрыть дело за отсутствием состава преступления. Никто тогда и предполо-

жить не мог, что могилы на острове Рудольфа нет. Этот факт без сомнения стал бы важным обстоятельством в расследовании причин смерти Седова.

Летом 1929 г. экипаж ледокольного парохода «Георгий Седов» тщетно пытался искать могилу на мысе Бророк. Но и тогда ни у кого не возникло сомнений в правдивости показаний Пустошного и Линника. Все объяснялось причинами естественными. «Ледяные потоки мчащейся с глетчеров талой воды, размывающей каменные глыбы, наносящей кучи песка и глины, — писал один из участников экспедиции, — видимо, не пожалели и последнего приюта Георгия Седова. Наскоро сколоченный деревянный крест смыло ручьями, набросанные на его тело камни разворачивали в изобилии водящиеся здесь медведи, а пятнадцать лет диких буранов, бешеных ветров наверняка снесли и утопили в океане останки героя» [10]. Участники поисков водрузили на холме красную доску с надписью на русском и английском языках «Советская экспедиция ледокол «Седов». 1929 г.».

Возникает вопрос, почему до 1937 г., до момента обнаружения предметов, принадлежащих Седову, местом погребения считался мыс Бророк? Ответом на него могли бы стать протоколы дознания В. Визе. Еще в марте 1914 г. по прибытии на судно матросы рассказали обо всем, что с ними произошло, и в качестве доказательств предоставили свои дневники и дневник Г. Седова. Исполняющий обязанности начальника экспедиции П. Кушаков поручил географу В. Визе провести своего рода дознание. После непродолжительных расспросов и прочтения дневников, у руководящего состава экспедиции сложилось устойчивое мнение, что могила расположена на мысе Бророк.

Спустя более полугодия капитан 2 ранга П. Белавенец писал петроградскому прокурору: «Протоколы опроса находятся у Визе, что не отрицает и он сам, но на предложение мое передать эти показания Комитету, ответил лишь «хорошо, хорошо», однако документов этих до сих пор мне не передал» [8].

Даже без этих протоколов не трудно понять, что все строилось на устных показаниях матросов, которые указывали на мыс Бророк. Позже Н. Пинегин, задавая вопрос «Где могила Седова?», писал: «Линник и Пустошный плохо читали карту с непонятными им английскими надписями. Со слов вернувшихся можно предположить: на мысе Бророк Земли Кронпринца Рудольфа, у подножия обрывистого берега, на высоте от моря метров десять, в том месте, где кончается восточная часть ледника и начинается каменистый берег» [11].

Здесь прослеживаются явные несоответствия, которые отнести к простой безграмотности матросов никак нельзя. Ведь никто даже не обратил внимания, как разнятся сведения дневников матросов с их рассказами по прибытии на судно. Первое, что бросается в глаза —

почему матросы акцентировали внимание именно на мысе Бророк, как конечной точке своего путешествия? Даже с учетом известной магнитной аномалии в проливе Неймайера, надо сильно постараться, чтобы не опознать выдвинутый к югу мыс, точно обозначенный на карте (рис. 5). К тому же матросам не надо было «читать» карту, как считал Пинегин, и до сих пор многие исследователи считают, что они могли просто сличить увиденное с картой, что не составило бы большого труда. Их дневники говорят о достаточном для этого образовании. Большой ошибкой было бы все объяснять малограмотностью матросов. В своих дневниках они пишут и при показаниях точно читают надпись на английском языке, выгравированную на флагштоке, «Expedition leit. Sedov'a 1912—1914 гг.», и при этом не могут отличить «Auk» от «Brogok», что, по меньшей мере, удивительно.

Мало веры и тому, что матрос Линник не мог показать на карте свои остановки у острова Рудольфа и при этом благополучно, всего за десять дней, вернулся назад к судну.

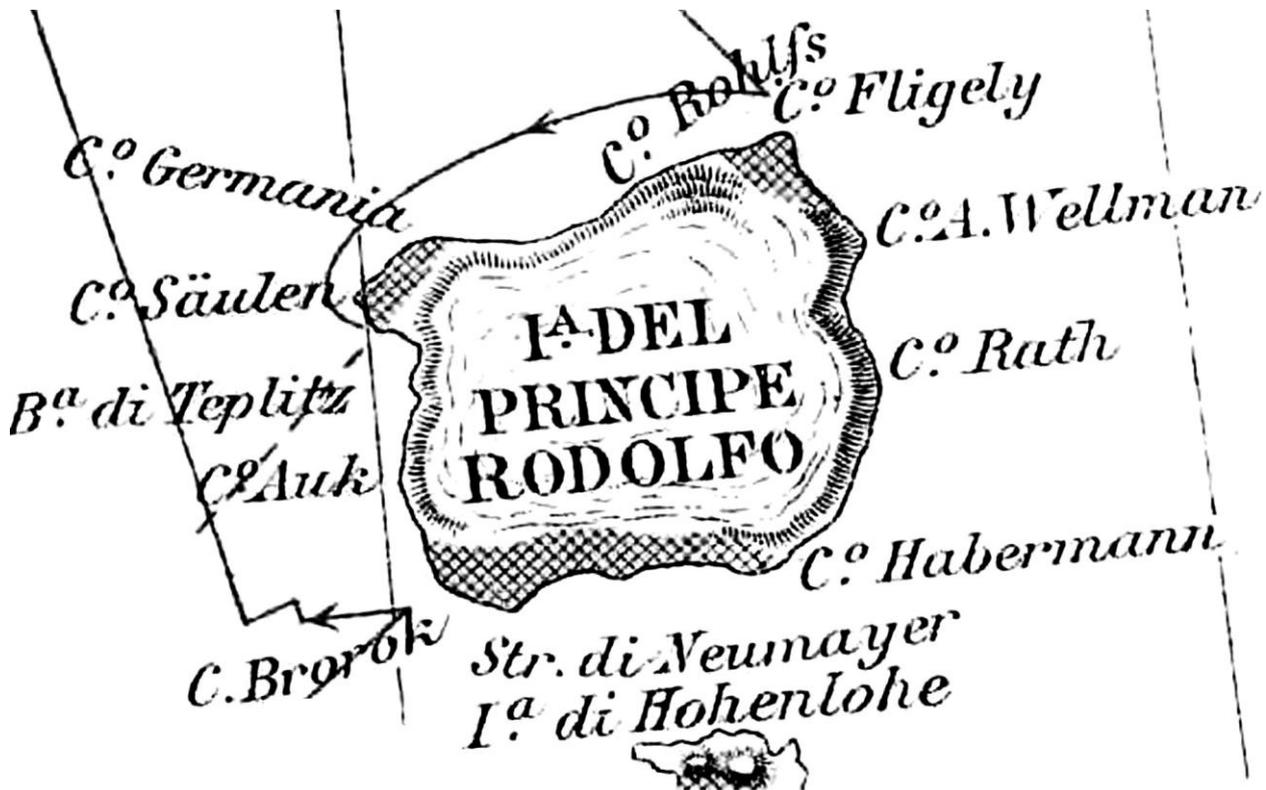

Рис. 6. Мыс Бророк

В 2010 г. шквал негодования исследователей биографии Г. Седова вызвала версия Г.П.Попова, заведующего музеем истории Арктического морского института имени В. И. Воронина в Архангельске. В своей статье «Тайна могилы Седова. Чем закончилась легендарная полярная экспедиция» он рассказал о давней встрече с известным архангельским ученым, крупным специалистом по истории освоения Севера К. П. Гемп. Ксения Петровна, лично знавшая Г. Седова, высказывала сомнение в естественности его смерти. Она и поведала По-

пову леденящую душу историю, согласно которой матросы Линник и Пустошный по прибытии в Архангельск признались ее отцу, что после смерти своего начальника они расчленили его труп и разбросали по острову, имитировав, таким образом, уничтожение могилы белым медведем. Отец Ксении, Петр Минейко, в ту пору инженер Архангельского порта, был дружен с Седовым и принимал некоторое участие в подготовке экспедиции. По всей видимости, матросы хорошо знали и доверяли инженеру, иначе эти сенсационные сведения неизбежно попали бы в материалы следствия.

Такое развитие событий, более похожее на сценарий малобюджетного триллера, можно было бы даже не рассматривать, если бы эта информация поступила от людей посторонних. В порядочности же К. Гемп и Г. Попова сомневаться не приходится, поэтому, делая непростой выбор между возможностью принять их свидетельство как факт и обвинением их во лжи, предпочтение, несомненно, первому. При поверхностном взгляде можно подумать, что мотивом такого поступка может быть только попытка скрыть следы преступления, то есть убийства Седова. Но при некотором анализе можно найти этому и другое объяснение. Дело в том, что дневники матросов и их показания дают полную картину смерти их руководителя, причем с множеством деталей, которые невозможно было бы придумать в сложных условиях написания дневников. Во всяком случае, ни одна строчка не вызывает сомнений в естественности происходящего. Для совершения такого преступления и умелого его сокрытия необходимы дерзость и крайняя степень цинизма. Такие черты характера не могли быть незамеченными на протяжении двух зимовок, где каждый человек раскрывается сообразно своим наклонностям. Линник, более всего вызывающий подозрения своим недовольством действиями офицерского состава, в целом характеризовался участниками экспедиции В. Визе и Н. Пинегиним положительно. Поэтому в силу превышения аргументов за отсутствие здесь состава преступления надо принять как факт естественность смерти Седова, тем более что доказать обратное уже совершенно невозможно.

Что же касается места захоронения, то взаимосвязь показаний К. Гемп со сведениями дневников матросов могли бы дать вполне правдоподобные версии. В этом случае основную причину отсутствия могилы, скорее всего, надо искать в действиях матросов уже после смерти Седова. Первоначально, еще 20 февраля, они «обоюдно» решают вести тело Седова на судно. «Тело же своего начальника, — писал Линник 21 февраля, — изо всех сил стараемся доставить на судно, так как дорог он был всем нам одинаково». Но к вечеру того же дня решение их меняется: «...если не найдем керосина, то придется хоронить и своего начальника». Чем же была вызвана такая перемена?

Конечно, можно было бы предположить, что спустя сутки, когда понемногу улеглись переживания, матросы уже трезво оценили свое положение и поняли, что нехватка топлива в случае непредвиденных обстоятельств на обратном пути грозит гибелью, и потому решились на захоронение. Но если весь вопрос был в недостатке керосина, как поясняли матросы, то почему они даже не попытались взять его на базе Абрुццкого? Ведь проплыть бухту на одном пустом каяке было бы делом нескольких часов. Тут есть над чем подумать.

Интересным в этом отношении может быть один эпизод, происшедший на станции острова Рудольфа. Известный полярный штурман В. Аккуратов вспоминал, как в 1937—1938 гг. они с летчиком И. Мазуруком после высадки папанинцев на Северном полюсе были оставлены для страховки дрейфа СП-1 и исследовали развалины итальянской и американской экспедиций Абруццкого и Фиалы. «Однажды, — вспоминал Валентин Иванович, — нам попала неожиданная и странная находка. Очистив ото льда одну из комнат жилого дома американской экспедиции, на столике около койки мы нашли... дамскую туфельку! Лакированная, небольшого размера, немного поношенная и отлично сохранившаяся. На ее внутренней стороне, на белой лайковой подкладке стояло золотое клеймо с надписью: «Поставщик двора его императорского величества. Санкт-Петербург». Ошеломленные, мы передавали из рук в руки это изящное изделие, ломая голову, как оно могло попасть сюда, на край земли. Одно было ясно: в экспедициях Седова и американцев женщины не участвовали. Значит, эта туфелька была сувениром... Но чьим? Видимо, Георгия Седова, женившегося перед самым походом на известной балерине Май-Маевской. Ее-то туфельку он и увез, наверное, с собой, как память о жене. Скрупулезно, как самые дотошные археологи и детективы, мы продолжали поиски. Но, увы, никаких других находок не последовало...» [12].

Учитывая тот факт, что в бухту Теплиц до 1936 г. заходила только одна русская экспедиция на ледокольном пароходе «Седов» (1929 г.) и зимовала полярная станция Ф.И. Балабина (1932—1933 гг.), которые ничего подобного здесь оставить не могли, можно было бы предположить, что туфелька куплена в Архангельске и доставлена сюда одним из участников итальянской или американской экспедиций 1899—1905 гг. Но, по утверждению летчиков, туфелька была слегка поношена, что в значительной степени опровергает эту версию. Упаковки крахмальных воротничков и шелковых сорочек, обнаруженные экспедицией О. Шмидта в 1929 г. на базе бухты Теплиц, особенного удивления не вызывают. Но дамская туфелька, тем более российского производства, вряд ли могла принадлежать иностранцам.

Предполагаемое посещение бухты Теплиц экипажем «Святой Анны» имеет здесь еще меньшую вероятность. Предположение Аккуратова о принадлежности туфельки Седову, ко-

торую он мог везти для того, чтобы оставить символический след на Северном Полюсе, так же не находит документального подтверждения. Единственными достоверными свидетелями здесь могут быть Линник, Пустошный и жена Седова Вера Валерьяновна. Кому как не им были известны тайные намерения Седова.

Штурман Аккуратов в свое время мог разрешить этот вопрос очень легко. Ему нужно было только встретиться с Верой Валерьяновной, которая жила в Ленинграде, и рассказать ей о своей находке. И если бы по описанию она опознала свою туфельку, то это свидетельство стало бы настолько громким, что, несомненно, привело к пересмотру всех событий полюсного похода, а матросы еще в 30-х гг. прошлого столетия были уличены во лжи и, скорее всего, обвинены в преступлении. Но этого не произошло. Летчики в пылу дел государственной важности, по всей видимости, забыли о находке в бухте Теплиц, и туфелька на много лет осталась без внимания. К тому же на мысе Аук вскоре были найдены фрагменты вещей Седова.

Что же касается матросов, то они в своих дневниках отмечали все достойные внимания моменты путешествия, но ни кто из них ни разу не упомянул об этом необычном обстоятельстве. После смерти начальника, пересмотрев все, что находилось на трех нартах, они решили часть снаряжения оставить, а наиболее ценное взять с собой. «Все же инструменты, приборы ввиду их ценности, — писал Линник 22 февраля, — а главное, быть может, надобности на судне, взять обратно, но до первого критического момента». Более того, матросы указывали и на «хронометрические часы», которые они сняли с тела своего начальника, и на отколотые кусочки могильного камня для жены Седова. О туфельке ни строчки. Таким образом, соотношение вероятностей складывается не в пользу принадлежности туфельки Седову, а значит, и рассматривать ее в качестве доказательства пребывания матросов на базе Аbruццкого нельзя.

Из всего этого следует, что на сегодняшний день нет никаких реальных доказательств, которые могли бы поставить под сомнение показания матросов. Есть только версии, гипотезы и предположения, которые строятся на одном единственном факте — могилы Седова на мысе Аук нет! Все попытки продвинутся в понимании того, что же все-таки произошло у острова Рудольфа, вряд ли будут иметь успех без проведения там комплексных исследований, которые должны включать в себя водолазные работы в прибрежной полосе мыса Аук, работы по определению вероятности схода ледников, снежных лавин и влияния этих факторов на рельеф подножия скалы мыса Аук. Параллельно с этим необходимо провести ряд криминалистических экспертиз фрагментов одежды и парусиновых мешков, которые являются экс-

понатами музея Арктики и Антарктики в Санкт Петербурге, на наличие следов рубленной ткани и возможных биологических остатков. Только результаты этих исследований могли бы дать ответы на многие вопросы, связанные с местом действительного захоронения руководителя первой русской плюсной экспедиции.

Кроме того, занимаясь расследованием этого дела, нельзя быть уверенным в непогрешимости одних, равно как нельзя обвинять других, не имея на то достаточных оснований.

Литература

1. Брейтфус Л.Л. Северные полярные экспедиции 1912 г. и их поиски. Петроград, 1915.
2. Osservazioni scientifiche, eseguite durante la spedizione polare di S. A. R. Luigi Amedeo di Savoia. Милан, 1903.
3. Дневник начальника полярной экспедиции Г.Я. Седова.
4. Дневник матроса шхуны «Св. Муч. Фока» А. Пустошного.
5. Дневник матроса шхуны «Св. Муч. Фока» Г. Линника.
6. Федоров Е.К. Полярные дневники. Гидрометеиздат, 1979. С. 96.
7. URL: <http://litau.ru/expeditions/zfi-2011>.
8. ГААО. Протокол опроса секретаря Седовского комитета капитана 2-го ранга П. И. Белавенца от 5 декабря 1914 г.
9. ГААО. Протокол опроса Г. Линника и А. Пустошного от 12 сентября 1914 г.
10. Громов Б. Поход Седова. Экспедиция Седова на Землю Франца Иосифа в 1929 году. Молодая гвардия, 1930. С.62.
11. Пинегин Н. В ледяных просторах. Экспедиция Г.Я. Седова к Северному Полюсу. Издательство писателей в Ленинграде, 1933.
12. Аккуратов В. Флаг на лыжной палке. Вокруг Света. 1964. № 4.

*Рецензент — Шубин Сергей Иванович,
доктор исторических наук, профессор*